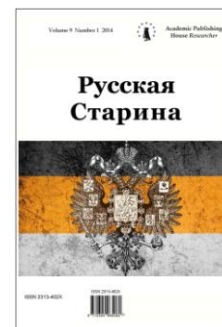

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 46-61, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.46
www.ejournal15.com

UDC 94(47).084.3:(479.24) "1918–1919"

Mugan Region in 1918–1919

Olga M. Morozova

Don State Technical University (Donskoj gosudarstvennyj tehničeskij universitet), Russian Federation
Dr. (History), Professor
344000, Rostov-on-Don, Gagarina area, 1
E-mail: olgafrost@gmail.com

Abstract

The reconstruction of the events of 1918–1919 in the historical region of Transcaucasia – Mugan – based Soviet memories of the 1920–1930-ies and the memoirs of immigrant A. Dobrynin. Among them: political face successive government institutions, portraits active participants of the event T. Otradnev, B. Hoshev, Colonel Ilyashevich, A. Kropotov, circumstances of the death of I. Kolimeitsev; value of denominational differences in the positions of groups of population (Sunni, Shia, Old Believers, «Subbotniki»).

Keywords: Mugan region; 1918–1919; Lankaran commune; peasant-settlers; Turks; Shahsevan; T. Otradnev; B. Hoshev; Colonel Ilyashevich; A. Kropotov; I. Kolimeitsev

Введение

События 1918–1919 гг. в Муганской степи, расположенной между нижним течением Куры и Аракса и предгорьями Талышских гор, редко становятся предметом научного интереса, чаще политического, спровоцированного отзвуками современных этноконфликтов. Ликвидировать это белое пятно непросто.

Материалы и методы

За четыре года в крае сменилось семь политических режимов, хотя, как мы покажем в дальнейшем, между ними сохранялась преемственность, но о сохранности архивов учреждений забота ими проявлена не была. Газеты, издававшие за пределами Ленкоранского уезда, прежде всего, бакинские, не могли отражать муганские события в полном объеме. Кое-что позднее попало в архивы в виде разрозненных бумаг. Состояние источниковой базы не в последнюю очередь определило недостаточное освещение событий периода революции и Гражданской войны в Мугани.

Автор этой статьи не первый раз обращается к методу познания исторического прошлого на основе массовых свидетельств рядовых участников событий, считая его надежным способом реконструкции внутренних механизмов исторического процесса [1]. События в Мугани могут быть восстановлены на основе документов из фондов Архива политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской

Республики. Это – мемуарные тексты и протоколы вечеров воспоминаний, проводимых Институтом истории партии им. С. Шаумяна в 1920–1930-е гг.

Обсуждение и результаты

В трехтомнике «История Азербайджана» (1963), от которого следовало бы ожидать серьезного исследования вопроса, в параграфе «Советская власть в Ленкорани и на Мугани» [2] события практически не датированы, а действовавшие в регионе силы наделены определенной политической окраской в соответствии с историко-партийным шаблоном.

Время от времени интерес общественности и научного сообщества к этой теме дает о себе знать. Среди современных авторов, интересующихся этими событиями, исследователи Белого движения, стремящиеся усмотреть в Русской Мугани вариант подлинно народного антисоветского сопротивления (В.Е. Шамбаров); азербайджанские историки, видящие в этом историческом эпизоде попытку нарушения территориальной целостности Азербайджана [3]; представители талышского сепаратизма, называющие недолговременное государственное образование 1919-го года Талышско-муганской советской республикой (Ф.Ф. Аббасзода).

Российский ученый В.П. Булдаков в своей объемной монографии «Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарии, анализ» показал, что не в последнюю очередь в раскручивании маховика насилия в стране, оставшейся без центральной власти, участвовали этнические конфликты [4]. С опорой на бакинские газеты того периода и на опубликованные в эмиграции воспоминания участника муганских событий штабс-капитана В.А. Добрынина, удалось отследить череду ключевых событий в многонациональном регионе [5].

Мугань накануне революции. Пестрота и многообразие – главная черта Закавказья. В десятке ханств на века законсервировались племенные отличия. Среди мусульман выделялись оседло жившие турки [6] и талыши [7] и тюркоязычные кочевники – шахсевены; шииты, ориентировавшиеся на Персию, и сунниты, считавшие турецкого султана своим халифом. После присоединения Муганской степи к России по Гюлистанскому трактату (1813) многие кочевые и оседлые роды из ее северной части ушли в Турцию. На их место пришли армяне, немцы, греки. Русские сектанты, молокане и субботники [8], переселялись на зимние пастбища шахсевенов, зачисленные в казенный фонд. Но те продолжали кочевать по традиционным миграционным путям, не признавая границ и межей, и, случаясь, громя оседлые тюркские и русские села. Так пестрота коренного населения дополнилась неоднородностью переселенческой массы. В документе 1913 г. называется общая численность населения Закавказья – 1,3 млн. чел., и приводится его структура: татар – более 750 тыс. чел. (ок. 60%); армян – 400 тыс. (30,8%); греков – 82 тыс. (6,3%); чехов, латышей, поляков – 30 тыс. (2,3%); русских – 150 тыс. в ста поселках (11,5%), в том числе в Муганской степи – 20 тыс. чел. Именно их в использованных источниках называют муганцами.

Климатические и природные условия Мугани были не менее разнообразны: в 20 км от побережья начиналась более засушливая зона. Пастбищное скотоводство, сопряженное с сезонными миграциями стад, приводило к земельным конфликтам. Пути перекочевков шли по землям, в основном, армянских сел, что и приводило в Карабахском, Казахском и Дилижанском уездах к конфликтам и столкновениям, которые грозили приобрести национально-религиозный характер. Только в декабре 1912 г. в Закавказье были упразднены отношения крепостной зависимости. Выкуп и размежевание земель, которые всегда проходили тяжело, еще только предстояли. После Февральской революции начался перевод всех старых конфликтов в острую фазу.

Хронология военно-политических событий в Мугани. С момента ликвидации Кавказского фронта зимой 1917–1918 гг. в Мугани начинаются межнациональные столкновения. И прежде оружие было в каждом доме, но в новых условиях его требовалось еще больше. Уходившие от границы солдаты продавали местным винтовки, чтобы не быть обобранными совершенно безвозмездно. Население стало брать заботу о безопасности на себя, так возникли так называемые параллельные роты: в Ленкорани – полковника фон дер Остен-Сакена, в Привольном – полковника Ильяшевича и пр.

Дополнительный приток вооружений в регион обеспечила эвакуация русского экспедиционного корпуса из персидского Энзели. Где-то в начале марта 1918 г. в порту Ленкорани татарами под командой Шахтахтинского был разграблен пароход «Милютин». После этого местная «дикая дивизия» под командованием Тагиева разоружила роту Остен-Сакена. И уезд на короткое время стал военным оплотом мусульманских национальных партий.

Это имеет непосредственное отношение к мартовским событиям 1918 г. в Баку. Известно, что конфликт разгорелся во время погрузки в бакинском порту на пароход «Эвелина» мусульманских частей, отправлявшихся в Ленкорань. По словам очевидца событий Поминова, в тот момент на соседнем причале грузился на судно «Александр Жандр» советский батальон, тоже готовившийся отплыть в Ленкорань. Между ними произошла небольшая перестрелка, а через час, в 6 часов вечера, в городе начался сильный бой [9].

27–29 марта пароход «Александр Жандр» прибыл в Ленкорань с отрядом Баксовета на борту, установивший в городе многопартийную советскую власть. Она носила разные названия: Временный комитет Мугани, затем Муганский ревком, или Муганский исполком. Благодаря усилиям присланного из Баку в мае 1918 г. комиссара Исрафилбекова (Кадырли) там возник параллельный мусульманский исполком, избранный собравшимися на площади у мечети уважаемыми людьми. Его председателем стал авторитетный мулла Ага-мир Ашрафов. Начальником милиции выдвинули известного *кочи* (досл. мощный, использ. в значении «бандит») Кербалай-Рашида Керимова. И, тем не менее, этот исполком через мусульманское крыло Баксовета находил с ним общий язык.

Творившееся тогда в Ленкорани явно не подчинялось единой воле. Среди прибывших бакинских красноармейцев было немало армян, в том числе и дашнаков; «персов» [10], а также беженцев, покинувших Ленкорань и Астарту из-за гегемонии «дикой дивизии», а потому апрель 1918 г. прошел под знаком ущемления татарского населения во всех вопросах (талыши – от ханов до гачагов-абреков – в это время занимались налаживанием отношений с исполкомом). Но смена власти в Ленкорани произошла под влиянием внешнего фактора.

Падение власти Баксовета и установление «диктатуры Центрокаспия» имело в качестве зеркального процесса появление в Ленкорани «диктатуры пяти». В состав «пятерки» вошли Саратиков [11], Сухоруков, Кропотов, Ильяшевич и Шиманов. Из них трое уже входили в состав предшествующей власти – Муганского исполкома.

На смену «диктатуре пяти» пришла Муганская краевая управа. Точно установить момент перехода власти сложно. Упоминаются даты, начиная с сентября 1918 г. и до января 1919 г. Есть вероятное объяснение разночтений: орган с таким названием формировался дважды. В первый раз сразу после падения «диктатуры Центрокаспия», второй раз – после ухода турок. В рассказе И. Кулиева есть упоминание, что осенью 1918 г. мусаватисты направили в Ленкорань отряд генерала Салимова, упразднившего власть Управы, которая сдалась без сопротивления. После ухода турок бакинская газета «Азербайджан» сообщила в начале декабря 1918 г. о возникновении в Ленкорани при поддержке генерала Л.Ф. Бичерахова Союзного Кавказско-Каспийского правительства [12]. Это аморфное властное образование имело и другие названия, например, Каспийское побережное правительство, а Муганская краевая управа, по-видимому, являлась его территориальной структурой. В составе Управы мы видим тех же лиц и прежде всего бессменного члена всех властных органов Мугани Сухорукова. Теперь он – министр земледелия Каспийского побережного правительства и одновременно председатель Управы. Как видим, разделять первую советскую власть, «диктатуру пяти» и последующую власть Муганской краевой управы можно с известной степенью условности.

Управа ориентировалась сначала на Главнокомандующего войсками и флотом в Прикаспийском крае Л.Ф. Бичерахова, который финансировал муганскую армию, подписывал приказы о награждении и производстве отличившихся офицеров в следующие чины, затем на генерала М.А. Пржевальского, назначенного командующим Добровольческими войсками на Кавказе. По-видимому, в феврале 1918–1919 гг. был получен приказ о расформировании отрядов, который был встречен муганцами одобрительно. Но последовавший за этим приказ о разоружении был расценен ими как желание сдать их безоружными тюрко-талышскому окружению. Добрынин и истпартовские тексты едины во

мнении, что именно с этого момента наметился раскол между муганцами и кадровыми офицерами.

Несмотря на утверждения советских мемуаристов, что с августа 1918 г. по апрель 1919 г. в Мугани существовала власть офицерства, вставшего на путь белогвардейщины, приводимые ими же факты этого не подтверждают. Присланные еще весной 1918 г. Баксоветом батальоны продолжали существовать как боевые единицы и находились на службе у этой Управы. 2-й батальон, которым командовал большевик Сорокин, продолжал ходить под красным знаменем, а 12 марта 1919 г. в честь двухлетия Февральской революции он прошел с лозунгами: Да здравствует 2-й Интернационал. Это вызвало скандал, но касался он того, что составители надписи не учли, что 2-й или 3-й Интернационал – это большая разница, поэтому быстро исправили 2-й на 3-й [13].

В этот период в крае царило подлинное безвластие, ярко описанное бывшим красноармейцем Осиповым: «Положение тогда в Ленкорани было неопределенное, каждый выдавал себя за власть. Даже улицы так назывались: рябовская улица, здесь Акопов, тут Осипов и т.д. Каждую ночь там шла охота между этими группировками. Сегодня хотели арестовать Акопова, завтра Шевкунова и т.д. Словом, полная анархия. Ночью мы не могли выйти на улицу» [14].

На заключительном этапе существования Управы, примерно в феврале-марте 1919 г., появился некий Комитет связи на Мугани. Его председателем стал Жириков, членами Попов, Чиркин, Шахраманов, Гранкин, Ломакин; из коренных муганцев в него входили жители с. Привольное Мясников и Моисей Бочарников. Примечательно то, что некоторые из членов Управы поддерживали Комитет связи, который располагался в бывшем ханском дворце, в квартире Сухорукова. Советские мемуаристы настаивали на нелегальном характере Комитета связи. По Добрынину, Комитет действовал как публичный орган, рассылая по селам воззвания с приглашением представителей, и власть естественным образом постепенно перешла к нему [15]. Но советские мемуаристы утверждали, что переворот все же был. По-видимому, сказывался уже сложившийся стереотип: советская власть возникает только после вооруженного восстания. Поэтому некоторые из них считали переворотом арест офицеров, который мог вполне произойти и позже 24 апреля – официальной даты появления Муганской советской республики (далее – МСР). Первое время новый властный орган продолжал именоваться Комитетом связи. По мнению Донского причина использования политически нейтрального названия в том, что большевики очень напугали народ в 1918 г. [16]

Как гласит официальная история, на созванном в середине мая съезде советов был избран исполком, выпущено воззвание по земельному вопросу и принято решение о готовности советской Мугани войти в состав советского Азербайджана и с ним в состав советской России. Исполком опирался на отряд из двух сотен отступивших зимой 1919 г. в Закавказье и интернированных в Грузии красноармейцев 10-й и 11-й советских армий. Они были переброшены с помощью Кавказского краевого комитета РКП(б) из Баку под видом жителей Ленкорани. В Мугани появились бакинские большевики Бахрам Агаев, Коваль, Калинин, Самсон Канделаки, Николай Енгибаров [17]. Одной из причин наплыва политических беженцев стало поражение майской общегородской забастовки в Баку. А в конце мая 1919 г. туда были делегированы «с инструкциями и деньгами» прибывшие из Астрахани Тимофей Отраднев, Анатолий (Ян) Лукьяненко, Топунов [18].

Прибывшие большевики заполнили собой все структуры управления, после чего местные эсеры и меньшевики, по выражению Лукьяненко, «совершенно сошли со сцены». Новые комиссары не побоялись вернуть название Реввоенсовета. На 23 июня 1919 г. распределение должностей было таким: председатель Горлин (член Кавкрайкома Л.Д. Гогоберидзе); командующий войсками Орлов, сменивший отстраненного Ильяшевича; начальник штаба Наумов (наст. фам. Замбродский); политкомиссар Отрадцев (наст. фам. Ульяновцев); председатель военно-революционного трибунала Ян Лукьяненко; председатель чека Блек. За месяц астраханским большевикам удалось испортить отношения с муганскими крестьянами (своим стремлением навести в армии дисциплину и пресечь «кулацкие» настроения во всех других сферах), к тому же они получили настоящий фронт с тюркскими «разбойниками» со стороны Астары.

В это время в одном из сел (то ли Астрахановке, то ли Покровке) их противники созвали съезд, где муганцы и решили идти против ленкоранских комиссаров. Обстоятельства похода под командованием Хошева в Ленкорань (24–28 июня 1919 г.) невозможно прояснить из обрывочных истпартовских текстов. И только благодаря Добрынину можно установить, что между двумя боями, которыми ограничено пребывание муганцев в городе, прошло пять дней состояния *ни мира – ни войны*. Город был разделен линией фронта, но перестрелок не было – шли переговоры. Большевики тянули время, ожидая подхода снятых из-под Астары частей. Хошев тоже ничего не мог предпринять, потому что не было командиров для приведенных отрядов муганцев. Уже на третий день муганцы начали проситься домой. На пятый день после боя у захваченного ими маяка, в ходе которого погиб Отраднев, Хошев дал приказ уходить: он не мог допустить, чтобы его солдаты сами разбрелись из города.

О дальнейших событиях читать наиболее интересно. Оказывается, что каждая из сторон считала, что именно она проиграла эту борьбу. Хошев и Добрынин полагали, что уже все русские села присоединились к советской власти: переменчивость настроений муганцев они хорошо знали. Их даже обстреляли из засады у села Пришиб, которое советскими мемуаристами неизменно называлось контрреволюционным. После попытки покушения на его жизнь Хошев распустил отряд и покинул свою базу – Билясувар. Скрываясь от резко покрасневших муганцев, они вместе перешли персидскую границу.

Причину столь резкого изменения настроений Добрынин усмотрел в том, что большевики оборонялись в Ленкорани слишком ожесточенно: «Муганцы, привыкшие к легким победам, были подавлены решимостью красных, разбежались по домам, притихли и, казалось, безропотно ждали своей участи. Даже ближайšie солдаты, наши вестовые и денщики и те держались как-то в стороне» [19]. В офицерах стали видеть виновников пролития братской крови. Муганский маятник понесся влево. Как он описывал это время: «Снова появились по селам их агитаторы, снова заработали комитеты бедноты, открыто призывая население к борьбе и террору. Муганцы не знали, на что решиться. Одно село глядело на другое, мелкие села ждали больших, а большие еще сами не могли сговориться. Наконец сторону большевиков окончательно приняли Привольное, Григорьевка, Петровка, болгарчайские села и труба» [20].

В это время состоялось два просоветских съезда – в Ленкорани и в Привольном. Один постановил выдать офицеров-зачинщиков. Второй – снести все села, которые сейчас же не присоединятся к решениям первого. А в кулуарах съезда якобы обговаривались возбуждающие проекты разграбления «белых» сел, о чем вспоминал не только белоэмигрант, но и советские ветераны. Муганцы считали, что победили ленкоранские большевики. Однако среди тех тоже царила полная растерянность. Погиб председатель Реввоенсовета Тимофей Отраднев, центральная на тот момент фигура в Ленкорани, а главное – не было патронов. Это и стало причиной решения об эвакуации [21].

Истпартовские тексты и книга Добрынина дают разное представление о времени, прошедшем между боем у маяка и уходом комиссаров из города. Впечатление от массива советских воспоминаний позволяет оценить его в несколько дней. А по версии Добрынина уход муганцев из Ленкорани и эвакуацию советских комиссаров разделяет более существенный срок – три-четыре недели. По-видимому, их отъезд на о. Сара, откуда лодки отправились в Астрахань, Туркестан и Персию, может быть датирован второй половиной июля 1919 г.

А в это время в муганской степи шла война, названная позже войной между «советскими» и «антисоветскими» селами. Шпинёв, перечисляя «большевистские» села, называл Привольное, Грибоедовку, Петровку, Григорьевку. Большинство из них – села сектантов-субботников. Поляка И. Файковского всегда удивлял тот факт, что за советы более всего выступали субботники [22]. Уроженец с. Привольное Петриков объяснял этот факт тем, что в отличие от молокан они не уклонялись от призыва в армию по религиозным причинам, а на фронте «кое-что почерпнули и научились» [23]. «Контрреволюционные» села – это молоканские и малороссийские Пришиб, Новоголовка, Андреевка, Астрахановка, Покровка, Николаевка. Можно было бы объяснить этот раскол религиозными причинами, как это сделал участник событий армянин Сидомонов: «Приволенцы были субботниками,

пришибенцы были молоканами[,] и на этой почве у них были некоторые разногласия. [...] Это обстоятельство, безусловно, тогда имело колоссальное значение» [24].

Представляется существенным факт отличия управляющих органов этих сел: в Пришибе продолжало существовать комиссарство (Временного правительства), а в Привольном по инициативе местной «ячейки» был избран совет. По словам Соломона Моисеева обе сельские власти конфликтовали между собой, втянув в это и население [25]. Похожий конфликт обнаружен и далеко на севере, в Архангельской губ., где два соседних села Тарасовское и Церковное погрузились в вооруженный конфликт, спровоцированный существованием в одном – совета, а в другом – сельской управы [26].

По версии Добрынина причиной вражды между Привольным и Пришибом были земельные споры, ведь они находились на расстоянии трех верст друг от друга. Союзником приволенцев стали жители разоренного татарами с. Григорьевка, осевшие поблизости Пришиба; которым «большевики обещали поделить чужие земли и хозяйское добро», т.е. собственность пришибенцев. Но решающим поводом, по его мнению, стало взаимное требование выдачи пришлых офицеров и вожаков из числа местных [27]. Если первое требование проходило легко, то второе вызвало непреодолимые затруднения.

В июле 1919 г. между селами Привольное и Пришиб произошла артиллерийская дуэль. Пришиб обстреливался артиллерией с двух сторон: с запада из Привольного, с востока – из Григорьевки. Казалось бы, Пришиб обречен, однако конфликт закончился признанием приволенцами своего поражения. Перелом в их настроениях наступил тогда, когда на сельской площади снарядом разнесло телегу и лошадь. И бабы потребовали прекратить ушибу. Добрынин не знал об этом происшествии, но из его текста становится ясно, что именно он выпустил шрапнельный снаряд, произведший такой эффект [28].

Получение телефонограммы о бегстве комиссаров поразило муганцев, только что очнувшихся от угара своей «войны». Они устремились в город, который оставался последним каналом связи с внешним миром, но вступили в борьбу с отрядами Азербайджанская демократическая республика (АДР) и местных предводителей талышей и тюрков. Они уже контролировали всю Мугань, но должны были в соответствии с рекомендациями Парижской мирной конференции смириться с включением края в состав АДР. Появление красных бронепоездов на вокзале Баку 28 апреля 1920 г. означало, что и в Ленкорани сменится администрация. По телеграмме из Баку власть была передана оказавшимся в городе лицам левых убеждений [29]. В 1920–1921 гг. Ленкорань опять осаждали тюркские отряды под командованием капрала турецкой армии Джамал-паши, с 1918 г. участвовавшего в местных событиях. Успокоение края продолжалось еще несколько лет.

Такова общая канва революционной истории Мугани.

В истпартовских рассказах немало сделанных вскользь упоминаний о неких событиях, смысл которых никак не раскрывался. По-видимому, большинство присутствовавших понимало, о чем идет речь, да и главным предметом повествования была собственная героическая биография рассказчика.

Массовость глухих ссылок на инцидент с полковником Аветисовым свидетельствовала о том, что он представлял некую значимость для вспоминаявших. За счет сопоставления некоторых рассказов, наиболее плодотворными из которых оказались принадлежащие членам красновардейского отряда с. Привольное Донскому и Шпинёву, удалось установить, что полковник погиб в марте 1919 г. во время крестьянского съезда в Пришибе.

Перед муганцами выступил полковник Ильяшевич и огласил приказ о разоружении «в связи с окончанием гражданской войны». Приволенцы тут же выразили недовольство, но не в связи с приказом, а по поводу обещанной, но не выданной бязи, тут же обвинив командование в ее краже. Ильяшевич, убедившись, что разговоры бесполезны, ушел. В это время раздался выстрел. Приволенский эскадрон решил, что их обстреливают. Яков Левин и еще один боец ворвались с винтовками в помещение, где находился Аветисов, и накинулись на него. Полковник был настолько физически силен, что схватил двух солдат за винтовки и держал, пока Моисей Бочарников не всадил в него пять пуль. Мертвое тело выбросили на двор, кто-то снял с него награды. После этого, по словам Шпинёва: «Ребята приехали в Привольное, доложили, что случилось такое несчастье[,] и дальше неизвестно что будет. [...] Пришлось провести разъяснительную компанию по селам, что это случилось недоразумение. С красными флагами наш эскадрон проехал по всем селам». Явно это был

акт покаяния и демонстрация лояльности, хотя Шпинёв в 1931 г. предпочел заявить, что поход по селам был сделан для того, чтобы «кулачье, кадетская и эсеровская масса приутихла» [30].

А погибшему полковнику были организованы похороны государственного уровня: с оркестром, с красными знаменами и отпеванием в армянской церкви. Видимо, именно пышностью похорон объясняется стойкая память об этом полковнике, ведь заметил же один из них, что помнит пышные похороны, а вот кто он и почему его убили, до сих пор представления не имеет.

Капитан Добрынин рассказал о деятельности Аветисова в качестве начальника штаба у Ильяшевича. Он потребовал у офицеров представления документов – послужных списков, удостоверений на чины и награды, а от командиров частей – списков личного состава, реестров казенного имущества, денежной отчетности. Именно с этим эмигрантский мемуарист и связал его гибель. Подлинным зачинщиком конфликта он считал пехотного прапорщика Исаева, командующего «отдельным» эскадром из с. Привольное, снятого с должности. Вместо него полковник поставил сотника, окончившего кавалерийского училище. Исаев не подчинился приказу и привел свой эскадрон к штабу. Аветисов бесстрашно вышел к ним, но был тут же расстрелян пьяными солдатами. Никто наказания не понес, а прапорщик продолжил командовать эскадром [31]. Через несколько месяцев Исаев в свою очередь пал жертвой Моисея Бочарникова. Упомянувшие об этом советские рассказчики приводили самые разные версии случившегося, не дававшие исчерпывающего ответа. Но одно из объяснений строилось на том, что направленный в Привольное Исаев был из враждебного приволжцам села – из Пришиба.

Немало вопросов связано с гибелью в бою у маяка председателя Реввоенсовета Тимофея Отраднева (наст. фам. Ульянов, 1888–1919). Среди ветеранов ходили слухи, что он погиб от предательской пули [32]. Рассказ оказывавшей ему медицинскую помощь Кирюшиной, относящийся к 1928 г., объясняет причину их проявления: Отраднев был ранен срикошетировавшей пулей, которая вошла в ногу сзади, повредив крупный кровеносный сосуд. Он прожил после этого не более четырех часов, скончавшись от потери крови [33]. Кроме того, указанная в энциклопедической статье дата боя у маяка и гибели Отраднева (28 июля) не соответствует действительности. По-видимому, это произошло на месяц раньше. Известно, что И.О. Коломийцев прибыл в Мугань уже после гибели Отраднева. В соответствии с воспоминаниями участников Особой морской экспедиции, которые доставили его в Ленкорань, это могло быть в первых числах июля 1919 г. В воспоминаниях Я. Лукьяненко, близкого друга Отраднева, указана правильная дата – 28 июня [34].

Нет полной ясности в обстоятельствах пленения и гибели Ивана Осиповича Коломийцева (1896–1919). Непосредственных очевидцев этого среди авторов истпартовских мемуаров не оказалось, тем не менее, кое-что удалось прояснить.

В официальной биографии советского «дипломата» сказано следующее. Будучи призванным в действующую армию в 1916 г., он оказался в составе Отдельного кавалерийского экспедиционного корпуса генерала Н.Н. Баратова в Персии. С января 1918 г. являлся ответственным секретарем Энзелийского ревкома, избранного солдатами экспедиционного корпуса. В июле 1918 г. он был назначен главой дипломатической миссии РСФСР в Персии, не признанной однако правительством в Тегеране. В ноябре 1918 г. миссия была разгромлена, но Коломийцеву удалось бежать. В июне 1919 г. он прибыл в Москву и вторично был направлен в Персию в качестве главы Советской чрезвычайной дипломатической миссии с «Обращением правительства РСФСР к правительству и народу Персии».

Однако материалы Института им. Шаумяна заставляют сомневаться в дипломатическом характере миссии Коломийцева и подтверждают, что его деятельность преследовала цели экспорта революции. Осведомленные лица, в том числе и работавшие вместе с Коломийцевым, утверждали, что в Энзелийский ревком располагался в Казвине, и что после прихода англичан члены ревкома бежали в Астарту, а потом в Баку. По-видимому, в официальной биографии под разгромленной дипломатической миссией подразумевается ревком. Когда случились разгром и бегство, точно установить не удалось. Коломийцев пробыл в Баку до конца апреля 1919 г. и на первом рейсе баркаса «Перебойня» отправился в Советскую Россию. На астраханский рейд прибыл 21 мая. Он якобы побывал в Москве, а

затем вернулся в Ленкорань на баркасе «Встреча». Его попытки добиться перемирия с муганскими крестьянами несколько отсрочили конец МСР [35].

Иван Коломийцев покинул о. Сара вместе с ленкоранскими комиссарами и прибыл на о. Ашураде, в юго-восточной части Каспийского моря. В день, когда советская флотилия была внезапно атакована белыми кораблями, местоположение Коломийцева указывается по-разному. По версии, изложенной летчиком Романовым, Коломийцев уплыл на баркасе «Кура» в одной группе с Кропотковым, Сухоруковым, Шевкуновым и др., был схвачен белыми и расстрелян в Порт-Петровске [36]. Но молодой матрос Широ, покинувший о. Ашураде на «Куре», не помнит Коломийцева среди его девяти пассажиров [37].

Наиболее информативен рассказ моряка Тутина. Он помнит Коломийцева находящимся на «Перебойне», которая ушла вглубь залива, чтобы попытаться выйти в открытое море через перешеек по мелководью. Прошли, но каким-то образом в темноте потеряли из виду маленькую лодку, на которую пересел Коломийцев. Искали, кричали, но он не отозвался. По его версии Коломийцев двинулся в Персию, решив выполнить распоряжение Центра, о чем говорил раньше: мы должны отвоевать какой-нибудь кусок Персии [38].

Стоит обратить внимание на тот факт, что он привез из Астрахани крупную сумму денег. Хотя морской радист Дюкарев утверждал, что перед отплытием с о. Сара Коломийцев передал ему, направлявшемуся в Баку, деньги и бриллианты – для передачи в Кавкрайком [39], по-видимому, это были не все имеющиеся у комиссара ценности. Романов вспоминал, что с острова был вывезен сейф с кассой авиационного отряда, в котором также находились деньги Коломийцева. В. Бойцов рассказал, что лично помогал ему зарыть на о. Ашураде сейф с несколькими миллионами рублей и фотоаппарат с 300 пластинами. С ними было несколько красноармейцев. А в те годы соседство больших денег и золота было опасным. Люди, которым было известно о спрятанных ценностях, не пожелали бы далеко удаляться от этого острова сокровищ. Революционный посол мог стать заложником их намерений.

В официальной биографии Коломийцева говорится, что он был расстрелян 18 августа 1919 г. на о. Ашураде. Но Тутин приводит рассказ сестры милосердия, которая была арестована вместе с ним. Ивана держали сначала под стражей в г. Астрабад (на другой стороне залива), а потом повели за город на расстрел. Коломийцев зажег папиросу, но начальник конвоя запретил ему курить, а тот ответил: я не арестант, а арестованный, что хочу, то и делаю, а если бы подчинялся бы вашей власти, то тут бы не находился [40].

В союзе с полумесяцем. Отношения Хошева с приграничными ханами встречали непонимание у муганских крестьян и Ильяшевича. Но поручик видел серьезные перспективы у такого союза. Он понимал, что ни советская власть, ни АДР не пользуются симпатией вождей перембельских и шахсевенских племен. Те были уверены, что большевики и армяне – это одно и то же, и что советская власть защищает русских переселенцев, а от мусаватистов с настороженностью ожидали мобилизации в армию, ведь в России они были свободны от воинской повинности. Кроме того, Хошев учитывал тщеславие племенных владык: «Стоит же одеть офицерские погоны некоторым татарским ханам и пообещать им хорошую награду, чтобы быть уверенным, что все они безусловно пойдут за нами» [41].

Описывая тактические таланты своего друга, Добрынин противопоставлял его ленкоранским комиссарам, не умевшим договариваться с мусульманами. Падение советской власти он связывал с восстанием татар в Астаре, которое началось с того, что назначенные из Ленкорани для несения пограничной службы представители советской власти организовали налет на Галакаран – стоянку Усейна Рамазана, в свою очередь совершавшего набеги на примыкавшие к границе крестьянские участки. В ходе этого рейда погибли два сына Рамазана. К этой вражде присоединился главарь другой вооруженной группы Усейн Алихан, который собирался выдать дочь за одного из погибших сыновей Рамазана. Так возник фронт, который оттянул на себя вооруженные силы Реввоенсовета – все 500 чел. Военные действия под Астарой потребовали от ленкоранской власти активизации реквизиционной деятельности, чем она окончательно испортила отношения с русским населением. Воспользовавшись моментом, Хошев для агитации среди муганцев выдвинул лозунг – идти в Ленкорань, что прекратить войну с татарами, сместив пришлых проходимцев [42].

В инструктивном письме Кавкрайкома РКП(б) в Ревком Муганского края от 23.06.1919 г. выражено стремление видеть его зоной революционизации мусульманского мира: «На все Закавказье Мугань представляет в настоящее время единственное место, где

идея Советской Власти осуществляется при поддержке тюркской демократической массы» [43]. Но политическая воля лидеров тяжело усваивалась массами.

На собраниях в Институте им. Шаумяна вопрос о совместной боевой работе с мусульманскими отрядами вызывал бурные споры. В ходе обмена репликами на вечере воспоминаний между Поминовым и Файковским становится известно, что в 1918 г. комендант Ленкорани Шевкунов поддерживал отношения с разбойничьими (по определению Файковского) отрядами под командованием Юнуса и Мамеда Зувандского. Поминов парировал это обвинение, заявив: благодаря Юнуске и Мамедке в Мугани было затишье в смысле грабежей [44].

Прозвище Мамеда говорит о том, что он был талышем. Летом 1919 г. он помогал оборонять Ленкорань с юга от других талышских и шахсевенских отрядов, наступавших от Астары и со стороны Зувандских гор. Он оказал большую помощь во время боев в лесах, когда ленкоранские отряды подвергались перекрестному обстрелу. Юнус командовал отрядом, первоначально подчинявшимся ханше Талышской. В 1918 г. ханша продемонстрировала свою готовность сотрудничать с новой властью, передав Юнуса в распоряжение Ленкоранского исполкома. Юнус вместе с отрядом Шевкунова ходил в боевой поход на запад до Зуванда. Ширали Ахундов вспоминал, как он обратился к Юнусу, «комиссару Зувандского района», за помощью для крестьян-тюрков, обобранных шевкуновцами. Тот попенял ходатаю, зачем он хлопочет о суннитах, и отказал. Оба – Мамед и Юнус – погибли в 1920 г. при обстоятельствах неясных [45].

О мотивах сотрудничества мусульманских вождей с русскими «гяурами» советские и эмигрантские тексты говорят практически одно и то же. Ахундов сообщил о содержании своих переговоров с известным талышским разбойником Ибрагим-Халилом из Бала Шахагача, который заявлял о готовности «сдаться бакинским большевикам», если они защитят его людей от персидских разбойников [иранских шахсевенов – авт.] и установят твердую власть [46]. Кадырли упоминал, что разбойник Кардаш-хан пошел на контакт с ним в тот момент, когда его теснил другой гачаг – Шахверан из Вергедузского района. Кадырли заключил соглашение с ним, понимая, что у Кардаш-хана большие посева, и он хочет вернуться и убрать урожай [47]. Примечательно, что Добрынин описал похожий случай, когда шахсевенский вождь Нафтулла-хан пошел на мировую с Хошевым, лишь бы иметь доступ в свои владения накануне полевого сезона, несмотря на то, что поручик весной 1918 г. разорил все его аулы [48].

По-видимому, для Юнуса, Мамеда, Кардаш-хана и Нафтулла-хана их боевая деятельность 1918–1919 гг. мало отличались от конфликтов, в которые они были издавна вовлечены. То, что у них в союзниках оказались большевики или воевавшие против красных офицеры – деталь, находящаяся за рамками их социокультурной реальности.

Герои и антигерои Мугани. За два бурных года истории Ленкоранского уезда в нее оказалось включенным изрядное количество людей, имена которых тогда гремели, но о них мало что известно. Обрывочные сведения в разных текстах, сведенные вместе, позволяют выхватить из прошлого почти исчезнувшую память об их жизни.

Ведущей фигурой муганских событий был полковник Ильяшевич. О нем пишут все, но одинаково негативно. Историко-партийные авторы признавали в нем лидера контрреволюционного офицерства. А Добрынин постоянно противопоставлял его своему идеальному герою – поручику Хошеву – как лукавого и слабохарактерного тугодума.

До революции полковник командовал батальоном на Билясуварском пограничном участке. Когда после ограбления парохода «Милютин» мусульмане стали нападать на переселенческие села и сожгли Григорьевку, Ильяшевич во главе отряда, основой которого стали солдаты царского призыва, предпринял рейд в нагорную полосу. Он буквально стер с лица земли десятки мусульманских сел. При этом полковник не учел, что нападавшие были в основном кочевники-шахсевены. Местные беки были замечены только в том, что подсылали людей с керосином и спичками для поджогов домов и полей переселенцев [49]. Но после этого успеха муганцы стали смотреть на Ильяшевича как на спасителя Мугани. Другие полковники – Ермолаев, Самбруд, Макаров, Аветисов и Остен-Сакен, такой репутации не имели.

Ильяшевич пользовался поддержкой эсера Сухорукова и входил так же, как и тот, во все муганские правительства. О нем хорошо отзывался Алеша Джапаридзе, а после падения Баккоммуны полковник в дружеском тоне советовал местным большевикам покинуть Ленкорань. После 24 апреля 1919 г. он был оставлен на должности главнокомандующего

армией как сочувствующий идее советского переворота. Только после появления в Мугани астраханских большевиков, по партийной привычке недолголюбивавших офицеров, он был отстранен и удален на покой в с. Пришиб. В июне 1919 г. (очевидно где-то в середине месяца) он был арестован в составе большой группы офицеров. Советские рассказчики высказывали мнение, что поход муганцев на Ленкорань был вызван их желанием освободить полковника [50].

Повествование Добрынина в части, отведенной Ильяшевичу, грешит желанием принизить его личность и роль в событиях. Но бесполезных источников не бывает. Даже этот тенденциозный рассказ в состоянии объяснить причины трений между 21-летним поручиком Хошевым и седым полковником. Во-первых, Ильяшевич не поддерживал тактику поручика по привлечению татар к выполнению задуманных операций; во-вторых, он не одобрял «шалостей» молодого поручика, любившего эффектные, но не всегда целесообразные вылазки и затеи; в-третьих, полковник был дипломатичен, мирился с существованием всяких советов и комитетов, а юный максималист Хошев не желал согласовывать свои действия с различными «безответственными горлодерами». Но особое место Ильяшевича среди муганских офицеров подтверждается тем, что он не был расстрелян во время эвакуации комиссаров из Ленкорани в отличие от других арестованных.

После установления в Мугани власти АДР Ильяшевич отбыл в Порт-Петровск, где был задержан белой контрразведкой. Для дальнейшего следствия он был переведен в Пятигорск. При отступлении его «забыли» в тюрьме, и он продолжал оставаться там и при советской власти, пока не умер [51].

У нас есть возможность оценить реальные заслуги поручика Хошева, взглянув на его деятельность не только глазами его товарища. Количество упоминаний фамилии Хошева в истпартовских текстах примерно в четыре раза уступает числу упоминаний об Ильяшевиче. Это о чем-то говорит. Большинству мемуаристов Хошев запомнился по событиям последних дней МСР, когда он с отрядом вошел в город и вел там уличные бои с комиссарскими отрядами. Хотя муганцам имя Хошева стало известно раньше, они делили командование отрядом с Пришиб между ним и Аникеевым, причем местный уроженец Аникеев назывался руководителем, а Хошев – при нем военным специалистом [52]. Если по Добрынину Билясувар – вотчина Хошева, то Гайк Арустамов упоминал, что в мае 1918 г. Алеша Джапаридзе выезжал к большевику Сидомонову, «руководившему всем в Билясуваре» [53]. По-видимому, описанная Добрыниным боевая активность Хошева носила местный характер и до лета 1919 г. мало влияла на события в регионе.

И, тем не менее, личность молодого поручика очень интересна в силу своей типичности для той эпохи. Борис Александрович Хошев (1898–1978) происходил из дворян Вологодской губ., окончил кадетский корпус в Тифлисе. В годы Первой мировой войны имел какое-то отношение к Нижегородскому полку, по-видимому, служил в качестве вольноопределяющегося. После производства в корнеты был отправлен в Персию. Потом, после Февральской революции – Мугань. Он не уехал, чтобы «хоть там спасти отдаленный клочок дорогой и истерзанной Родины».

Типаж, к которому принадлежал Хошев, неоднократно был описан: опаленное войной молодое поколение, которое уже не могло существовать без «жизни нервами» [54]. Эту участь выбирали не все, а только по-своему талантливые люди. Добрынин в полной мере отдал должное выдумке и отваге своего юного друга: «Впоследствии, когда мне пришлось стать ближайшим сотрудником Хошева, я не раз поражался его исключительной способности ясно и безошибочно разбираться в самой запутанной и сложной обстановке и его находчивости и умению всегда ловко и с успехом выходить из любого критического положения» [55]. Сам факт того, что штабс-капитан безоговорочно принял лидерство более молодого офицера, свидетельствует о незаурядности личности поручика.

В своей книге Добрынин привел несколько примеров своеобразного творческого подхода к войне, который демонстрировал Хошев. В начале 1918 г. тот видел своей задачей пресечение набегов на русские приграничные села. Сил для этого явно не хватало. И Хошев придумывает хитрость, которая должна была заставить татар из приграничных сел оказаться в одном с русскими лагере против кочевников. Он согнал в окопы местных армян, говорящих без акцента по-татарски, и заставил их переругиваться с шахсевенами, чтобы те подумали, что в окопах находятся татары. Шахсевены, договорившиеся с теми о совместном

нападении на Билясувар, решили, что преданы, что местные татары стали на сторону русских. И они от злости начали обстреливать татарские села. После провокации Хошева вражда между оседлыми татарами и кочевниками-шахсевенами установилась смертельная, и татары оказались накрепко привязанными к муганцам. Это повлияло и на боевой дух русских крестьян, они уже без сопротивления шли в окопы [56]. Как писал Добрынин: «Опасность оказалась Хошеву верным другом и лучшим средством в подчинении людей».

Как-то Добрынин иронично упомянул полумифический побег Керенского «в бабьей юбке», при этом ничтоже сумняшеся описал обстоятельства бегства Хошева из Ленкорани после установления там власти АДР, когда генерал-губернатор Джавад-бек Мелик-Еганов отдал приказ о его аресте: поручик был вывезен из города Али-ханом Талышинским под чадрой и в женском платье. Но обычно Хошев одевался весьма претенциозно, это отмечали даже в воспоминаниях на испартовских вечерах.

Затем поручик служил в деникинской армии, в полку александрийских улан, расквартированном в Темир-Хан-Шуре. Их командиру генералу И.А. Глебову он был рекомендован лично генералом И.Г. Эрдели. После эвакуации в Крым он участвовал в боях против корпуса Д.П. Жлобы под Верхним Токмаком. В эмиграции нашел выход своей творческой натуре в работе фотографа.

Дмитрий Николаевич Кропотов – офицер-летчик, дворянин, сын помещика Саратовской губ., начальник военной гидроавиационной базы на о. Сара и член всех муганских правительств. Всеми признается его роль в ликвидации угрозы мусульманского погрома после разграбления оружия с парохода «Милютин» в феврале 1918 г. Это дало время для организации русских отрядов самообороны [57]. Кропотов был человеком Л.Ф. Бичерахова, по-видимому, через него шел хлеб частям корпуса Баратова, остававшимся еще в Персии. Это могло сформировать у советских мемуаристов устойчивое предубеждение против него. Даже его дружеские отношения с каноническим героем революции И.О. Коломийцевым (тоже энзелийцем) не поколебали этого мнения.

Летчик Романов описал порядки на авиабазе при Кропотове: «Дисциплина в отряде по нынешним понятиям на низком уровне. Все чувствовали себя с Кропотовым на равной ноге, так как они были с равными правами, моряки, и лишь признавали в нем старшего и подчинялись ему добровольно, когда же почему либо не нравилось его приказание, они его не выполняли, и Кропотов, истерически повышая тон, выхватывал револьвер, стучал по столу, грозил арестом, расстрелом, ссылкой. Команда говорила, что мы уходим, оставайся один, и это был главный довод, т.к. он не мог допустить, чтобы они ушли, и шел на уступки» [58]. Кропотов преимущественно находился в Ленкорани, время от времени появляясь на базе. И лишь во время боев между муганцами и комиссарами заявил, что уезжает на Сару, чтобы не принимать участие в усобице. Образ революционного романтика завершает описание рокового пленения баркаса «Кура», на котором Кропотов пытался пробраться в Астрахань. Ему удалось пройти более 700 км до Порт-Александровского, который считался советским, поэтому на вопрос встречного парохода «кто?», Кропотов ответил: большевики.

Командир одного из ленкоранских отрядов Шевкунов – уроженец Пришиба, живший в Билясуваре, по политическим взглядам, как и большинство муганских деятелей, принадлежал к правым эсерам. Он не был военным человеком, и, по словам некоего Филина, считался хулиганом, а значит, был весьма авторитетным среди сверстников молодым человеком. В 1917 г. он собрал небольшой отряд из жителей русских сел, который формально подчинялся Ильяшевичу. После того, как отряд Тагиева разоружил параллельные роты, Шевкунов уехал в Баку, но в конце марта 1918 г. вернулся назад на пароходе «Александр Жандр». Позже он был комендантом Ленкорани и возглавлял заградительный отряд, который фильтровал тех, кто направлялся в город, и отбирал у них хлеб [59]. По словам большевика доктора Захарьяна, Шевкунов творил безобразия особенно в отношении тюркского населения: снимал из ушей тюрчанок серьги и даже раздевал их прямо на улице, забирая шелковые платья. По некоторым рассказам известно, что у Шевкунова был человек для грязных поручений, палач – казанский татарин, которого называли Семён. Но в дальнейшем, как отмечали некоторые из советских мемуаристов (Поминов, Донской), его отряд перестал носить грабительский характер [60]. Среди них были и те, кто видел в нем муганского Робин Гуда. Осипов и Донской утверждали, что шевкуновский отряд боролся за советскую власть в 1919 г. как никакой другой. В это время

Шевкунов тесно взаимодействовал с отрядами Юнуса и его помощника Кулам Мамеда, что позволило на время остановить грабежи русских сел [61].

Шевкунов попал в плен к белым вместе с Кропотовым и Сухоруковым на баркасе «Кура». Затем был вместе с ними расстрелян. Их имена постоянно сочетаются в рассказах, вероятно, этих разных людей связывали дружеские отношения. Не исключено, что к их расстрелу причастен Добрынин: он упоминал, что встречал их в Порт-Петровске в контрразведке.

Другим ленкоранским отрядом командовал кубанский казак Лозовой. Зимой 1918 г. он был офицером «контрольной роты» Закавказского сейма, которая была направлена в Дербент и Порт-Петровск для предотвращения вывоза муки с Кавказа. Когда в Дагестане активизировались отряды имама Гоцинского, рота решила вернуться в Тифлис, но была задержана и разоружена бакинскими отрядами. Офицеры разбежались, осталось только трое, в том числе и Лозовой. Когда на ст. Хурдалан шли бои с турками, отряд попросился на фронт. В дальнейшем он был влит в состав Особого сводного отряда Баксовета. После переброски в Мугань стал опять называться контрольным отрядом [62]. Затем конный эскадрон Лозового располагался в с. Бала Шахагач, к югу от Ленкорани. Когда отношения Ленкоранской коммуны и муганских крестьян обострились, по приказу Орлова он был арестован вместе с другими офицерами. Лозового взяли во время его собственной свадьбы, привязали за шею к тачанке и гнали до самой Астары. Затем он вместе с другими содержался на о. Сара. В момент расстрела поручик предпринял попытку спастись. Он бросился в море и раненым сумел, будучи прекрасным спортсменом, проплыть несколько верст, но был найден на берегу утром конным разездом и тогда расстрелян [63].

Среди уроженцев Мугани наибольшую известность приобрел Моисей Бочарников, уроженец субботнического села Привольное, фронтовик и бедняк, по-видимому, по причине сиротства. Этого колоритного крестьянского вожака его земляк Донской охарактеризовал как «полуанархиста и коммуниста», а в прошлом – активного мародера [64]. Его имя постоянно упоминается в связи с экспроприациями и убийствами. Бочарников руководил сначала эскадром, потом всем приволенским отрядом. Манеру его политического поведения описал присутствовавший на июньском съезде в Ленкорани Донской: «Помню[,] как Бочарников заставил голосовать револьвером. Когда я стоял часовым, я помню[,] полковник Орлов говорил о чем-то, потом начались выборы. Помню[,] драка происходила, кто-то во флотском костюме – там все эсеры были – хотел первенство взять, в это время Бочарников с “Кольтом” вскочил на скамейку и говорит: голосуйте за наших делегатов. Тут паника» [65]. После установления власти АДР в Мугани Моисей Бочарников бежал в Персию, где попал в руки одного из местных вождей. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Главнокомандующий армией МСР Орлов – самая загадочная из фигур муганских событий. Он появился в Мугани с мандатом Временного правительства как комиссар по продовольствию. Называл себя членом партии правых эсеров. Весной 1918 г. вошел в состав Временного комитета Мугани. Через год в правительстве МСР сменил на посту главнокомандующего отстраненного Ильяшевича. Приволенец Донской описал его как интеллигентного человека в цивильном костюме с бородкой и в очках [66]. Его деятельность на этом посту вспоминается истпартовскими мемуаристами как-то неодобрительно, хотя, казалось бы, он все делал как надо. Он запомнился наведением дисциплины в армии. Аресты офицеров в июне 1918 г. были осуществлены по его приказу. Вместе с другими комиссарами отступил на о. Сара. Шахраманов в конце своего рассказа даже посетовал: его все время подозревали в измене, но он так и остался верен [67].

Добрынин также уделил внимание персоне этого необычного советского главнокомандующего: «Полковник граф Орлов-Пасечный, назначенный к нам на эту должность из Баку генералом Пржевальским. Он явился в Ленкорань в форме полковника Изюмского гусарского полка с Георгиевским крестом, Георгиевским оружием и Владимиром с мечами на шее. Это был тучный, лет под пятьдесят курчавый субъект с пенсне, с рыжеватой бородкой. Неумело носивший военную форму и неуклюже и боязливо сидевший на коне. [...] Вместо гусарской сабли ходил почему-то со штатской тросточкой, выпятив вперед толстый живот, и походил скорее на заживевшего маклера, чем на гусарского офицера. Его единственной страстью была крупная и азартная игра в карты, в которую он кстати сказать никогда не проигрывал» [68]. Затем штабс-капитан пересказал все компрометирующие слухи, ходившее об Орлове: еврей и немецко-британский (!) шпион, ведущий коммунистическую

пропаганду и причастный к убийству женщины, которая его опознала и разоблачила. Если человек негодяй, то абсолютный – в соответствии с жанром классической драмы, к которой тяготели эмигрантские авторы. Противоречивость сведений Добрынина, Шахраманова, Кожемяко и др. сама по себе симптоматична. Коллекционер мандатов Орлов – типаж авантюриста, готового служить всем властям, а таких в Мугани было немало.

Выводы

В заключение есть возможность оценить эвристические возможности раннесоветских и белоэмигрантских мемуаров. Воспоминания Добрынина написаны на основе дневниковых записей в первые годы пребывания на чужбине, что и определило их чрезмерную субъективность. Это особенно чувствуется по обилию оппозиций: Хошев – Ильяшевич, Бичерахов – добровольческое командование, и пр. Дизъюнкционная логика его построений: мир делится на Добро и Зло без полутонов, иногда приводит к полной нелепости. Он считает Бичерахова достойнейшим из русских офицеров, поэтому с вероломными союзниками – британцами у того не может быть никаких партнерских отношений, убежденно доказывает Добрынин. Но хорошо известно, что это совсем не так. Там, где дело касается чинов, дат, географических названий, Добрынин чаще всего точен. Это помогает установить последовательность событий, описанных в раннесоветских текстах с большей хаотичностью. Однако в книге встречаются и фактические неточности, выявить которые в свою очередь помогают советские тексты.

Документы из фондов Института им. Шаумяна еще раз показали, что претензии к этому типу источников обоснованы. Исследователь сталкивается и с приверженностью к шаблонной лексике, которая лишь искажала подлинную суть событий, и с влиянием официальной версии истории на содержание ветеранской памяти, и с «инфицированием» чужими образами памяти, благодаря заложенной Истпартом традиции вечеров воспоминаний. Все это компенсируется массовостью подобных документов. Их авторами были люди с разным уровнем образования и объемом предшествующего опыта, русские, армяне, азербайджанцы, мужчины и женщины, в разное время включившиеся в события. Взятое каждое в отдельности такое свидетельство не может быть надежным источником о повествуемом прошлом, потому что страдает фрагментарностью и неточностью. Но будучи использованными как единый, связанный объектно-субъектной общностью источниковый массив, они позволяют понять смысл случившегося. За счет «наложения» картинок прошлого уходят огрехи и частности, остается существенное. Рассказы людей, оказавшихся когда-то в прошлом в одном месте в одно время, отличаясь углом зрения, нивелируют погрешности. Нынешняя публикация призвана служить аргументом в пользу использования методики взаимной критики массовых источников личного происхождения, которую мы предлагаем назвать методом коллективного свидетеля.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ – проект № 12-01-00065а «Север – Юг: Географический и этнический факторы в гражданской войне (на материале Европейского Севера и Юга России)».

Примечания:

1. Морозова О.М., Невская Т.А. «Мои пятьсот трупов лежат...» // Родина. 2011. № 2. С. 44-48.
2. История Азербайджана / Под ред. И.А. Гусейнова, М.А. Дадашзаде и др. Баку, 1963. Т. 3. Ч. 1. С. 188–193.
3. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Баку, 1998. С. 80.
4. Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2011.
5. Там же. С. 679, 687, 717, 767, 961, 990.
6. До 1918 г. применительно к тюркоязычному населению Закавказья использовались этнонимы «татары» или «тюрки». Современный этноним «азербайджанцы» мог появиться только после 15 сентября 1918 г.
7. Талыши, чей язык был отнесен Б.В. Миллером к северо-западной группе иранских языков, считаются потомками древнего населения Закавказья; исповедуют ислам шиитского толка.

8. Субботники, или геры (ивр. «пришелец», «жилец») – русские, принявшие иудаизм через процедуру «гиора».

9. Там же. Оп. 2. Д. 172. Л. 166.

10. Персидско-подданные турки Южного Азербайджана ошибочно назывались персами. Они устраивались на самые тяжелые и малооплачиваемые работы на нефтяных предприятиях и составляли наиболее эксплуатируемую часть бакинского пролетариата, что и определило высокую степень их социальной агрессии и присутствие в отрядах Баксовета, направленных на юг.

11. Саратиков Самуил Бежанович (Бажанович), занимал руководящие должности в Харьковском губздравотделе, горздравотделе, окрисполкоме. Был депутатом Харьковского горсовета, в 1933–1934 гг. возглавлял горсовет в Сумах. В 1934 г. возвратился в Харьков, занял пост сначала заместителя, затем председателя горсовета. В августе 1935 г. выведен из состава бюро горкома партии, а в октябре освобожден от должности. Приговорен и расстрелян в 1938 г.

12. Цит. по: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 990.

13. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 71.

14. Там же. Д. 33. Л. 166.

15. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 88–89, 92.

16. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 237.

17. Там же. Оп. 17. Д. 14. Л. 51.

18. Там же. Оп. 10. Д. 128. Л. 96–97.

19. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 149.

20. Там же. С. 154.

21. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 211.

22. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 78.

23. Там же. Ф. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 170.

24. Там же. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 150.

25. Там же. Л. 205.

26. Государственный архив Архангельской области. Ф. 780. Оп. 1. Д. 8. Л. 114.

27. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 151, 157.

28. Там же. С. 160.

29. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 71.

30. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 32, 48; Д. 33. Л. 184, 189, 232.

31. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 66–67.

32. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 5, 243.

33. Там же. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 8–9.

34. Там же. Ф. 456. Оп. 10. Д. 128. Л. 99–100.

35. Там же. Ф. 268. Оп. 23. Д. 121. Л. 3–4.

36. Там же. Ф. 456. Оп. 18. Д. 31. Л. 19, 24.

37. Там же. Оп. 17. Д. 14. Л. 13–19.

38. Там же. Л. 88, 91.

39. Там же. Оп. 18. Д. 33. Л. 200.

40. Там же. Оп. 17. Д. 10. Л. 56.

41. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 82.

42. Там же. С. 98, 100, 114.

43. АПД УДПАР, ф. 456. Оп. 17. Д. 1. Л. 13.

44. Там же. Оп. 18. Д. 33. Л. 108–109.

45. Там же. Ф. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 168.

46. Там же. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 53–54.

47. Там же. Оп. 10. Д. 43. Л. 180.

48. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 91.

49. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 219–221.

50. Там же. Оп. 10. Д. 128. Л. 98.

51. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 225–226.

52. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 190, 245.

53. Там же. Л. 60–61.

54. Буторов Н. Прожитое. 1905–1920. М., 2009. С. 92.

55. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 35.

56. Там же. С. 27, 29, 36.

57. Там же. С. 2–3.

58. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 31. Л. 2–3.

59. Там же. Д. 33. Л. 136.

60. Там же. Л. 109, 185.

61. Там же. Л. 52.
62. Там же. Л. 139.
63. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 179.
64. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 184.
65. Там же. Л. 190.
66. Там же. Л. 184.
67. Там же. Д. 30. Л. 92; Д. 33. Л. 3 об.-4.
68. Добрынин А.В. Указ. соч. С. 93.

References:

1. Morozova O.M., Nevskaja T.A. «Moi pjat'sot trupov lezhat...» // Rodina. 2011. № 2. S. 44-48.
2. Istorija Azerbajdzhana / Pod red. I.A. Gusejnova, M.A. Dadashzade i dr. Baku, 1963. T. 3. Ch. 1. S. 188-193.
3. Azerbajdzhanskaja Demokratičeskaja Respublika (1918–1920). Baku, 1998. S. 80.
4. Buldakov V.P. Haos i jetnos: Jetnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Uslovija vozniknovenija, hronika, kommentarij, analiz. M., 2011.
5. Tam zhe. S. 679, 687, 717, 767, 961, 990.
6. Do 1918 g. primenitel'no k tjurkojazyčnomu naseleniju Zakavkaz'ja ispol'zovalis' jetnonimy «tatory» ili «tjurki». Sovremennij jetnonim «azerbajdzhancy» mog pojavit'sja tol'ko posle 15 sentjabrja 1918 g.
7. Talyshi, chej jazyk byl otnesen B.V. Millerom k severo-zapadnoj gruppe iranskih jazykov, schitajutsja potomkami drevnego naselenija Zakavkaz'ja; ispovedujut islam shiitskogo tolka.
8. Subbotniki, ili gery (ivr. «prishelec», «zhilec») – russkie, prinjavshie iudaizm cherez proceduru «gijura».
9. Tam zhe. Op. 2. D. 172. L. 166.
10. Persidsko-poddannye tjurki Juzhnogo Azerbajdzhana oshibočno nazывalis' persami. Oni ustraivalis' na samye tjazhelye i malooplachivaemye raboty na neftjanyh predpriyatijah i sostavljali naibolee jekspluatiruemuju chast' bakinskogo proletariata, čto i opredelilo vysokuju stepen' ih social'noj agressii i prisutstvie v otrjadah Baksoveta, napravlennyh na jug.
11. Saratikov Samuil Bežanovich (Bazhanovich), zanimal rukovodjashhie dolžnosti v Har'kovskom gubzdravotdele, gorzdravotdele, okrispolkome. Byl deputatom Har'kovskogo gorsoveta, v 1933-1934 gg. vozglavljal gorsovet v Sumah. V 1934 g. vozvratilsja v Har'kov, zanjal post snachala zamestitelja, zatem predsedatelja gorsoveta. V avguste 1935 g. vyveden iz sostava bjuro gorkoma partii, a v oktjebre osvobožden ot dolžnosti. Prigovoren i rasstreljan v 1938 g.
12. Cit. po: Buldakov V.P. Ukaz. soch. S. 990.
13. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 71.
14. Там зhe. Д. 33. Л. 166.
15. Добрынин В.А. Указ. соч. S. 88-89, 92.
16. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 237.
17. Там зhe. Оп. 17. Д. 14. Л. 51.
18. Там зhe. Оп. 10. Д. 128. Л. 96-97.
19. Добрынин В.А. Указ. соч. S. 149.
20. Там зhe. S. 154.
21. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 211.
22. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 78.
23. Там зhe. F. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 170.
24. Там зhe. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 150.
25. Там зhe. L. 205.
26. Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti. F. 780. Op. 1. D. 8. L. 114.
27. Добрынин В.А. Указ. соч. S. 151, 157.
28. Там зhe. S. 160.
29. АРД УДПАР. F. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 71.
30. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 32, 48.
31. Добрынин В.А. Указ. соч. S. 66-67.
32. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 5, 243.
33. Там зhe. F. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 8-9.
34. Там зhe. F. 456. Оп. 10. Д. 128. Л. 99-100.
35. Там зhe. F. 268. Оп. 23. Д. 121. Л. 3-4.
36. Там зhe. F. 456. Оп. 18. Д. 31. Л. 19, 24.
37. Там зhe. Оп. 17. Д. 14. Л. 13-19.
38. Там зhe. L. 88, 91.
39. Там зhe. Оп. 18. Д. 33. Л. 200.

40. Tam zhe. Op. 17. D. 10. L. 56.
41. Dobrynin A.V. Ukaz. soch. S. 82.
42. Tam zhe. S. 98, 100, 114.
43. APD UDPAR. F. 456. Op. 17. D. 1. L. 13.
44. Tam zhe. Op. 18. D. 33. L. 108-109.
45. Tam zhe. F. 276. Op. 2. D. 172. L. 168.
46. Tam zhe. F. 456. Op. 18. D. 33. L. 53-54.
47. Tam zhe. Op. 10. D. 43. L. 180.
48. Dobrynin V.A. Ukaz. soch. S. 91.
49. APD UDPAR. F. 456. Op. 18. D. 33. L. 219-221.
50. Tam zhe. Op. 10. D. 128. L. 98.
51. Dobrynin V.A. Ukaz. soch. S. 225-226.
52. APD UDPAR. F. 456. Op. 18. D. 33. L. 190, 245.
53. Tam zhe. L. 60-61.
54. Butorov N. Prozhitoe. 1905-1920. M., 2009. S. 92.
55. Dobrynin V.A. Ukaz. soch. S. 35.
56. Tam zhe. S. 27, 29, 36.
57. Tam zhe. S. 2-3.
58. APD UDPAR. F. 456. Op. 18. D. 31. L. 2-3.
59. Tam zhe. D. 33. L. 136.
60. Tam zhe. L. 109, 185.
61. Tam zhe. L. 52.
62. Tam zhe. L. 139.
63. Dobrynin V.A. Ukaz. soch. S. 179.
64. APD UDPAR. F. 456. Op. 18. D. 33. L. 184.
65. Tam zhe. L. 190.
66. Tam zhe. L. 184.
67. Tam zhe. D. 30. L. 92; D. 33. L. 3 ob.-4.
68. Dobrynin A.V. Ukaz. soch. S. 93.

УДК 94(47).084.3:(479.24) "1918–1919"

Муганская область в 1918–1919 гг.

Ольга Михайловна Морозова

Донской государственный технический университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
344012, г. Ростов–на–Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail: olgafrost@gmail.com

Аннотация. Реконструкция событий 1918–1919 годов в исторической области Закавказья – Мугани – на основе советских воспоминаний 1920–1930-х годов и мемуаров эмигранта В.А. Добрынина. Среди них: политическое лицо сменявших друг друга властных учреждений, портреты активных участников событий Т.И. Отраднева, Б.А. Хошева, полковника Ильяшевича, Д.Н. Кропотова, обстоятельства гибели И.О. Коломийцева; значение конфессиональных различий в позиции разных групп населения области (суннитов, шиитов, раскольников, субботников).

Ключевые слова: Муганская область; 1918–1919 годы; Ленкоранская коммуна крестьяне-переселены; тюрки; шахсевены; Т. Отраднев; Б. Хошев; полковник Ильяшевич; А. Кропотков; И. Коломийцев.